

Пол Джонсон

Популярная история евреев

Посвящается памяти Хью Фрезера, настоящего христианина, который всю жизнь был другом евреев

Эта книга – моя интерпретация еврейской истории. Мнения (и заблуждения), в ней высказываемые, – мои собственные. Однако я в большом долгу перед многими учеными. Я особенно благодарен издателям «Энциклопедии юдаики», которая оказалась для меня бесценным руководством, а также «Истории еврейского народа», ценной компиляции, изданной Х. Х. Бен-Сассоном. Моему пониманию проблемы способствовали фундаментальные исследования С. У. Бэрона, С. Д. Гойтейна и Г. Г. Шолема. Мне также очень помогли работы таких историков, как Сесил Рот, Александр Марис, Александр Альтман, Хайэм Маккоби, Джонатан И. Израэль, Майкл Маррус, Рональд Сэндерс, Рауль Хилберг, Люси Давидович, Роберт Уистрич и Матин Гилберт. Особенно полезными с точки зрения знакомства с еврейскими преданиями для меня оказались книги Сэмюэлл Белкина, Артура А. Козна и Майера Ваксмана. Хаим Рафаэль и Хайам Маккоби любезно проштудировали весь текст и сделали ряд ценных замечаний и поправок. Я также весьма признателен своему редактору Питеру Джеймсу и своему сыну Даниэлу Джонсону, которые работали с рукописью, и особенно Линде Осбанд, редактору издательства Вайденфельд и Николсон, которая и в этот раз, так же, как и раньше, оказала мне неоценимые услуги при издании моих книг. И в заключение я должен поблагодарить лорда Вайденфельда за смелость, с которой он вдохновил меня на то, чтобы взяться за такую обширную и весьма пугающую тему.

Пролог

Почему я написал историю евреев? На то есть четыре причины. Первая – просто любопытство. Работая над своей «Историей христианства», я впервые в жизни понял масштаб того вклада, которым христианство обязано иудаизму. Дело не в том, что, как меня учили, Новый Завет пришел на смену Ветхому; скорее христианство дало новую интерпретацию древней форме монотеизма, постепенно вылившись в новую религию, которая, тем не менее, вместила очень многое из морали, догм, литургии, установлений и фундаментальных концепций своей предшественницы. И когда я понял это, то решил, что, если обстоятельства позволят, я напишу о народе, который поразил мою веру, исследую его историю от изначальных корней до настоящего времени и попытаюсь сформулировать свое мнение о его роли и значении. Мир привык относиться к евреям, как к нации, которая имела в древности свое государство и оставила свою летопись в виде Библии; ушла с глаз людских на многие столетия; вновь возникла лишь для того, чтобы угодить в нацистскую бойню; и, наконец, создала собственное государство, противоречивое и осажденное. Однако все это – лишь самые яркие эпизоды. Мне же хотелось связать их в единую цепь, найти и исследовать недостающие звенья, собрать их воедино и осмыслить в целом. Вторая причина – то воодушевление, которое вызвал во мне сам масштаб еврейской истории. Период со времен Авраама до наших дней охватывает почти четыре тысячелетия. Это больше трех четвертей

всей истории человеческой цивилизации! И мне, как историку, доставляло наслаждение исследовать весь этот период. Евреи идентифицировали себя ранее, чем почти все существующие на сегодня народы. Они сохранили ее среди ужасающих бедствий вплоть до настоящего времени. Откуда эта невероятная стойкость? В чем сила всепоглощающей идеи, вдохновляющей евреев и обеспечившей их однородность? Коренится она в их природной устойчивости или в их способности приспосабливаться, а может быть в сочетании того и другого? Суметь ответить на эти вопросы – достойный вызов исследователю. Третья причина состояла в том, что еврейская история охватывает не только огромный период времени, но и колоссальное пространство. Евреи внедрились во многие общества и оставили там свои следы. Писать историю евреев – почти все равно, что писать всемирную историю, но при этом рассматривать ее под весьма специфическим углом зрения. Это будет всемирная история глазами просвещенной и понимающей жертвы. Поэтому попытка охватить историю глазами евреев равносильна в каком-то смысле самопознанию. На это обратил внимание Дитрих Бонхоффер, когда находился в нацистской тюрьме. «Мы научились, – писал он в 1942 году, – видеть великие события всемирной истории как бы снизу, с позиции тех, кто был отвергнут, находился под подозрением, подвергался дурному обращению, был безвластен, угнетен и презираем, короче, тех, кто страдал». И опыт этого видения он счел бесценным. И для историка исследование истории евреев позволяет добавить к картине мира новое измерение: взгляд на нее глазами побежденного, глазами неудачника. И, наконец, эта книга дала мне еще одну возможность подступиться, объективно опираясь на исследование 4000 лет человеческой истории, к ответу на один из самых трудных вопросов, который задает себе человечество: для чего мы на земле? Является ли наша история всего лишь бессмысленной суммой событий? Существует ли принципиальная моральная разница между историей человеческого рода или, скажем, муравьев? Ни один народ не стоял так твердо, как евреи, на том, что у истории есть цель, а у человечества – судьба. Еще в самом начале своего коллективного бытия они верили, что ими найден заданный свыше путь рода человеческого, поводырем для коего должно послужить их общество. Причем роль свою они проработали удивительно подробно и героически держались за нее перед лицом невероятных страданий. Многие из них до сих пор веруют в нее. У других она трансформировалась в нечто подобное желанию Прометея даровать людям прогресс силами и средствами самих людей. Взгляд евреев стал прообразом многих великих мечтаний человечества, преисполненных надежд и на Провидение и на Человека. Поэтому евреи оказались в самом центре вечной, неиссякающей попытки дать человеческой жизни достоинство цели. Позволяет ли их собственная история считать, что стоит предпринимать эту попытку? Или она отражает ее тщетность? Я хотел бы надеяться, что отчет о проделанном мной исследовании поможет читателям самим ответить на эти вопросы.